

Е. Ю. Поселенова

ПАЛОМНИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ОБРАЗЕЦ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЙ

Представлено системно-концептуальное рассмотрение взаимодействия художественного и религиозного сознаний в рамках синтетического жанра литературы Нового времени – путешествия паломнического типа. Осмысление путевого цикла А. Н. Муравьева в аспекте актуальных вопросов теоретической и исторической поэтики позволяет ввести в исследовательский контекст стратегию анализа и литературоведческой интерпретации произведений с религиозным модусом художественности, ориентированную на рассмотрение специфики проявленного в них типа мировидения.

Ключевые слова: *русская литература, художественное пространство, художественное сознание, паломничество, литература путешествий.*

Принято считать, что, начиная с петровского времени, отечественная литература развивается по пути светской словесности, приобретая независимость от церкви. Общая секуляризация культуры в это время привела к изменению художественного сознания. Меняется представление о человеке, мире, об их взаимоотношении, но эти трансформации не значили полного вытеснения религиозных основ из эстетической сферы.

Вполне очевидным представляется тот факт, что литература не может существовать обособленно от мировоззренческих форм. Происходит взаимодействие и взаимовлияние разных типов видения мира, которые находят свое отражение в рамках художественного сознания. Так, например, научный тип восприятия мира стал основой формирования эстетики натурфилософской лирики М. В. Ломоносова. Создаваемый ученым-энциклопедистом образ вселенной представляет собой соединение художественного и научного начал в едином представлении о мироустройстве. Укорененность русской культуры в православном мировидении также не могла не предопределить ряд аспектов в организации художественной картины мира.

При всей очевидности этого факта существует ряд спорных вопросов, среди которых явственно обозначена проблема определения круга литературных текстов, которые можно было бы считать художественным осмыслением религиозных основ, а также методики их исследования. Осмыслению этой проблемы посвящены работы А. М. Любомудрова, И. А. Есаулова, М. М. Дунаева, П. Е. Бухаркина, А. П. Дмитриева и других. Самой дискуссионной является задача разграничения собственно духовной и собственно художественной литературы от того типа художественной словесности, который включает в себя помимо эстетического начала религиозное представление о мире. В этом отношении убедительной представляется точка зрения А. М. Любомудрова, полагающего, что «православным произведением может считаться такое, худо-

жественная идея которого включает в себя необходимость воцерковления для спасения» [1, с. 19–20]. Эта концепция дает относительно четкий ориентир и позволяет обозначить необходимость обращения к специальному исследовательскому инструментарию при анализе произведений, удовлетворяющих указанному критерию.

Особое внимание в современном отечественном литературоведении уделяется произведениям, ориентированным на религиозную традицию не только на идейном, но и на жанровом уровне. Речь идет о жанрах синтетического типа, генетически сочетающих в себе два начала: духовное, связанное с религиозной культурой, и собственно литературное, воплощающее в себе традиции художественной словесности. К таким жанрам можно причислить стихотворную молитву, духовную оду, переложение псалмов, исповедь, агиографическую прозу. Значительное место в этом ряду занимает жанровая форма литературного «путешествия» паломнического типа.

Паломничество является одним из традиционных христианских обычаев, предполагающим посещение мест, отмеченных присутствием священных ценностей. Представленное в русской культуре не только как собственно религиозное, но и как литературное явление, паломничество обрело в отечественной словесной традиции особую форму эстетической реализации. Путь паломника стал магистральной сюжетной линией многих произведений русской литературы, начиная с древнерусского периода и до сегодняшних дней. К XII в. сформировался особый жанр «хождения» – художественное описание Святой земли человеком, совершившим паломничество в Иерусалим, на Афон или в Константинополь. Постепенно этот жанр претерпел изменения, связанные с различными историко-культурными процессами, с влиянием светских «путешествий» и другими факторами, приведшими к появлению на рубеже XVIII–XIX вв. особой литературной формы «путешествия ко Святым местам».

Одним из значительных образцов путевой литературы первой половины XIX в. является цикл «путешествий» ко/по Святым местам, созданный А. Н. Муравьевым. В 1832 г. выходит в свет первое путевое произведение писателя – «Путешествия ко Святым местам в 1830 году». Осознавая сакральную значимость описываемого странствия, Муравьев, тем не менее, определяет произведение не как «паломничество», а как «путешествие». Опираясь на духовную традицию «хожений» и светскую традицию «путешествий», Муравьев дает новую интерпретацию паломнического сюжета. С одной стороны, автор, несомненно, причастен к христианскому мировосприятию, с другой – он сохраняет связь с мирскими ценностями жизни. Свое развитие этот сюжет получает в следующем путевом произведении Муравьева – «Путешествии по Святым местам русским», в котором были художественно воссозданы авторские впечатления от посещения святынь России. Эта книга оказалась не только еще одним образцом синтетической литературной формы, но и стала сюжетным продолжением первого «Путешествия...», развивая идею духовной эволюции повествующего героя. В творчестве Муравьева воплотилось особое понимание паломнического сюжета, органично совмещающее в себе две культурных традиции, что выделяет произведения автора в ряду путевых сочинений и предполагает разработку специального подхода к изучению их поэтики.

Во всех формах паломнической словесности особое место занимает категория пути, определяющая сюжетно-композиционное и идейное своеобразие произведений. Специфика осмысления этой категории определяется ее соотношением с обрядом паломничества, актуализирующим идею «перехода», разрыва со старой жизнью и приобщения к новому, духовному, миру и мировосприятию. Подобный подход к рассмотрению образа паломнического пути позволяет не просто описать его с точки зрения традиционной поэтики, но и выявить его глубинный духовный смысл, показать эволюцию внутреннего мира героя-путника. Кроме того, это дает возможность проследить формирование на страницах литературных паломничеств особого типа художественного сознания, для которого характерно двунаправленное представление о мире.

Носителем специфической формы художественного сознания в путевой литературе является сам «путешественник», чье видение действительности формирует мирообраз произведения. От того, какую позицию он занимает по отношению к увиденному, и зависит представление о мире, отраженное в тексте.

В процессе развития образ «путешественника-паломника» претерпевал различные изменения. В

Древней Руси значительная роль при создании художественных произведений принадлежала литературному этикету и литературному канону [2; 3], которые давали определенное направление развитию авторской мысли. По наблюдению Ю. В. Манна, индивидуализация авторского образа русской средневековой литературы была весьма низкой, над личностной детерминацией преобладали «жанровые амплуа» [4, с. 3]. Дальнейшее развитие образа сопровождалось возрастанием индивидуального авторского начала, хотя жанровая окраска не до конца утратила свою значимость для формирования субъективной структуры произведения. Так, в XVIII в. жанрово обусловленный субъект повествования присваивает нормативную функцию, «реализуемую в форме оценки данного участка действительности» [5, с. 48]. В начале XIX в. личность «путешественника» занимает иную позицию: значимым становится не только то, «что увидел путешественник и как он об увиденном рассказал, но и почему он об этом рассказал» [6, с. 27]. За самыми объективными и, казалось бы, эмоционально скупыми описаниями находится личность «путешественника».

В первом «Путешествии...» Муравьева герой входит в палестинское пространство, во-первых, как представитель определенной культурной сферы жизни со свойственными ей взглядами на мир, во-вторых, как личность, оценивающая увиденное с позиции своих духовных убеждений. В «Путешествии по Святым местам русским» акцент делается на мировоззрении героя, поскольку культурная детерминация сглаживается принадлежностью «путешественника» именно к той социальной парадигме, созерцателем которой он становится. При этом, с одной стороны, герой, несомненно, причастен к христианской истории, с другой – он сохраняет связь с мирскими ценностями жизни.

Для героя Муравьева принципиально значимым оказывается описание собственных переживаний, испытываемых им при соприкосновении с древним и сакрализованным. Он знаком с описаниями «путешествий» ко Святым местам других авторов, но для него важно выразить *свои* ощущения и мысли, которые заведомо отличаются от чувств и раздумий его предшественников. Основанная на идее соборности православная ориентация сознания «путешественника» дополняется характерным для индивидуалистского светского типа мировидения желанием привнести что-то новое в описание Святых мест, стремление обозначить *себя* и *свое* мнение в масштабном контексте паломнической традиции. Именно это становится одной из ведущих черт, определяющих характер взаимодействия внутри сознания «путешественника» двух типов мировосприятия.

Особенности видения мира в «Путешествиях...» также обусловлены двойственной природой жанровой формы: используя при создании пространственных образов изобразительные средства, генетически связанные с традициями мирской живописи, автор, тем не менее, сохраняет характерное для религиозного мировосприятия разделение пространства на качественно различные сферы: сакральную, сакрализованную и профанную. Эти сферы непосредственным образом соотносятся с временными образами, представленными несколькими периодами: библейским, древнерусским, современным, постапокалиптическим. Кроме того, в процессе приобщения к христианской истории постепенно сакрализуется внутреннее пространство души «путешественника ко Святым местам», что приводит к расширению масштабов освящения реального мира. Возникает эффект сакрального отражения: «свое» пространство, доселе не осознаваемое как святыня, постепенно начинает восприниматься «путешественником» как священная ценность. В этом состоит исключительность мировосприятия героя Муравьева, который в отличие от древнерусского паломника, осознающего строгую религиозную иерархию жизненных ценностей, может в своем сознании приблизить патриотические чувства любви к Отечеству к религиозному умилению, которым проникается он после посещения Гроба Господня. Путь к Святым местам и возвращение, освящая сюжет «путешествия», объединяют эти «две священные грани», устраняя представление о границах и сакрализуя образ отечества. Движение повествующего героя, происходящее одновременно в «реальном» и сакральном пространствах, выходит за рамки земного пути, рождая образ «путешествия ко Святым местам».

Двойственность художественного сознания, проявленного в путешествиях паломнического типа, проявляет себя и в данном аспекте: идея пути представлена в произведениях Муравьева в нескольких семантических планах, напрямую соотносимых с религиозной и светской ипостасью «путешественника». В русской культурной традиции категория пути двугранна: путь осмысливается как движение по горизонтали (реальное перемещение в пространстве) и по вертикали (переход от земного к небесному, от профанного к сакральному, от бренного к божественному). Так, Ю. М. Лотман выделяет два типа путников на основании семантики контакта: «идуший», становящийся наблюдателем окружающего мира, и «пилигрим», стремящийся к духовному идеалу. Первый предполагает контакт с реальной действительностью, второй – контакт с божественной субстанцией [7, с. 184]. Путь, в ходе которого странник постепенно восхо-

дит по духовной вертикали, в святоотеческой традиции связывается с образом Лествицы, понимаемой как «градация духовных ценностей и состояний (ибо Бог есть во всем, но не во всем равно), а также их внутренняя соподчиненность, то есть иерархия» [8, с. 92]. В качестве модели подвижнической стези этот образ возникает в богословских трудах Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина, преп. Никиты Стифата.

Первый семантический пласт, который можно выделить при осмыслении категории пути в контексте «Путешествий...» Муравьева, связан с политической проблематикой. Для «Путешествия... в 1830 году» он реализуется в эпизоде, описывающем развязку русско-турецкой войны и заключение Адрианопольского мира. Хотя повествующий герой, как и сам Муравьев, не входил в состав действующих войск, тем не менее траектория и характер его движения по территории Румелии (европейская часть современной Турции) совпадали с армейским походом. Рассматривая особенность перемещения русских войск, можно выделить важную характеристику этого пути – до полного заключения мира армия всегда движется вперед. Причем это движение совершается с конкретной целью – либо занять определенную территорию, либо открыть себе путь к тому или иному стратегическому объекту. В главе «Мир» читаем: «путь к Царьграду открыть занятием Кликлисса, Визы, Иниады, Мидии, Чорлу, в которых расположилась армия наша» [9, т. 1, с. 10]. Таким образом, продвижение русских войск вперед представляет собой расширение пространственных границ и одновременно разрушение силовых политических преград. Принципиальное значение имеют военные действия и движение армии для внутренней эволюции героя. Впоследствии «путешественник ко Святым местам» заметит, что именно русско-турецкая война дала ему возможность выполнить данный в молодости обет – посетить Иерусалим. С одной стороны, он имел в виду возможность испытать себя в жестких условиях Востока, с другой – в этом признании проявилось осознание героем непосредственной связи между совершением искупительного странствия в Палестину и политическими отношениями России со странами Ближнего Востока. Муравьев отправляется в свое «путешествие» на волне новой заинтересованности Востоком. Правда, теперь это пространство привлекает внимание русских людей не только с религиозной точки зрения, но и становится притягательным центром политической жизни в связи с русско-турецкой войной. Поэтому мотив военно-политической миссии будет возникать на протяжении всего произведения Муравьева: например, когда «путешественник» прибывает в Иерусалим, по городу разнесутся слухи, что он «начальникъ силь-

наго отряда, посланного для завоевания Св. Града», и что 10 000 русских придут за ним из Арзрума или «пристануть на кораблях у Акры» [9, т. 1, с. 226]. Во втором «Путешествии...» политический план осмысления пути повествующего героя ослаблен. Он реализуется только в «Воспоминаниях о посещении святыни московской Государем Наследником», где «путешественник» проявляет себя не столько как поклонник Святых мест, сколько как лицо, сопровождающее царственную особу. Здесь на первый план выходит историческое осмысление увиденного.

Второй аспект реализации категории пути в произведениях Муравьева, который в полной мере проявлен в обоих «Путешествиях...», – это духовный путь странствующего героя. В этом случае происходит преодоление линейной направленности «исторического» пути (с которого начинается первое произведение) и начинается приобщение к обрядовому ритму «путешествия ко Святым местам», генетически связанному с религиозной традицией паломничества. Расставшись с войсками Дибича, повествующий герой уезжает в Палестину – пространство, традиционное для паломнического поклонения, – через Царьград и Египет. Затем, осознав в процессе приобщения к общехристианским святыням сакральную значимость родного пространства, «путешественник» возвращается в Россию и отправляется на поклонение русским Святым местам. При переходе от светского к религиозному восприятию собственного пути меняется точка зрения героя на природу преодолеваемого им пространства. В сознании «путешественника» происходит синтез двух топосов – реального и легендарного (сакрального). В связи с этим легендарное пространство осознается «путешественником» как материально воспринимаемое, что обусловлено традиционной для паломнического мировосприятия идеей неизменности и вечности сакрализованного топоса [10, с. 3–17]. Для «путешественника ко Святым местам» идея пути предстает как миссия, религиозный акт преодоления реального пространства с целью духовного очищения через приобщение к святыням. Для повествующего героя важным является не только и не столько движение в зримом пространстве, сколько труд души, преодоле-

ние ее греховности на пути к совершенствованию. По замечанию А. В. Медведева, путь в Святую землю даже во внешней своей форме выступает как перерождение души [11, с. 96]. Поэтому перемещение по Святым местам становится для героя не только и не столько движением в горизонтальной плоскости, сколько постепенным восхождением по духовной вертикали. Реальное перемещение «путешественника» оказывается материально выраженной проекцией его духовного пути. Такой путь предполагает определенную структуру, имеющую обрядовую природу. Преодоление того или иного пространственного отрезка соотносится с конкретным этапом внутренней эволюции героя, что соответствует традиционной дуалистической структуре обрядового действия – символическая форма отражает сакральное содержание.

Рассмотрение путевых произведений А. Н. Муравьева позволяет по-иному осмыслить специфику художественного сознания, проявленную в синтетических жанровых формах. Глубочайшее религиозное чувство, которым пронизаны произведения Муравьева, сочетается с аналитизмом светского наблюдателя, тщательно исследующего и оценивающего увиденное. При этом два типа мировосприятия не вступают в противоречие друг с другом, а гармонично сосуществуют в сознании повествующего героя, создавая целостное представление о сакрализованном пространстве. Образы «двух священных граней», ставших объектами духовного стремления «путешественника ко Святым местам», позволили читателям Муравьева приобщиться к сакральным идеям, заложенным в событиях библейской истории, и открыли для русских людей Нового времени те ценности, которым не придавалось должного значения в силу их близости и кажущейся обыденности. Речь идет о святости отечественного пространства, которая, подспудно осознаваемая каждым православным человеком, тем не менее, долгое время оставалась на периферии эстетического восприятия. Тем самым художественное осмысление православных основ, представленное в творчестве Муравьева, стало одним из первых шагов того пути, который был принят русской литературой в движении к духовной прозе конца XIX – начала XX в.

Список литературы

1. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб., 2003. 272 с.
2. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3-х тт. Т. 1. Л.: Художественная литература, 1987. С. 261–647.
3. Лихачев Д. С. Первые семьсот лет русской литературы // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3-х тт. Т. 2. М.: Художественная литература, 1987. С. 5–30.
4. Манн Ю. В. Автор и повествование // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1991. № 1. С. 3–19.
5. Чулков В. И. Из истории формирования индивидуальных художественных систем // Проблема автора в художественной литературе. Ижевск: УдГУ, 1993. С. 35–51.

6. Коровин В. И. «Наслаждающее размышление самого себя» // Ландшафт моих воображений: страницы прозы русского сентиментализма. М.: Современник, 1990. С. 3–28.
7. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПБ, 1996. С. 18–252.
8. Котельников В. А. Восточнохристианская аскетика на русской почве // Христианство и русская литература. Вып. 1. СПб.: Наука, 1994. С. 89–127.
9. Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году. Изд. 3. СПб., 1835. 602 с.
10. Травников С. Н. Поэтика художественного пространства в путевой литературе конца XVII – начале XVIII века // Поэтика жанров русской и советской литературы. Межвузов. сб. науч. тр. Вологда: ВГПИ, 1988. С. 3–17.
11. Медведев А. В. Сакральное как причастность к абсолютному. Екатеринбург, 1999. 152 с.
12. Климова М. Н. Сюжетная схема «Великодушный старик» и народно-православная духовная традиция // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2004. Вып. 3 (40). С. 90–94.

Поселенова Е. Ю., кандидат филологических наук, доцент.

Кемеровский государственный университет.

Ул. Красная, 6, Кемерово, Россия, 650043.

E-mail: e_poselenova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 24.11.2011.

E. Y. Poselenova

THE PILGRIM TEXT AS THE SAMPLE OF INTERACTION OF ART AND RELIGIOUS CONSCIOUSNESSES

The article presents the system-conceptual consideration of the interaction of artistic and religious consciousness in the synthesis of the genre of modern literature, such as traveling pilgrim. Understanding the cycle track AN Muraviev topical issues in the aspect of theoretical and historical poetics allows us to introduce in the context of the research strategy for the analysis and interpretation of literary works with a religious modus of artistic-oriented review of the specific manifest in these type of the worldview.

Key words: *Russian literature, art space, art consciousness, pilgrimage, literature of travel.*

Kemerovo State University.

Ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Russia, 650043.

E-mail: e_poselenova@mail.ru